

не сумел дать исчерпывающего определения предмету своего выступления. Муравьева, несомненно, привлекают некоторые особенности в творчестве французских поэтов. Но очень часто заинтересовавшие его черты ни в коем случае не определяют действительное лицо избранного им поэта. Более того, нередко эти черты скорее придуманы Муравьевым, нежели существуют в действительности. Таково, в частности, его представление о Дора, поэзия которого долгое время казалась ему образцом.¹⁷ Изощренную светскость он принимает за непосредственность и делает практический вывод о необходимости писать так, чтобы произведение отражало процесс ассоциативного мышления, при котором темы и образы сменяются внезапно, а часто и непоследовательно.

Мгновенья плод, приятные стишки
 Рождаются в большом, прекрасном свете
 И так, как он, свободны и легки,
 Как бабочки в роскошном лете
 Летают вокруг, садятся на цветки,
 Но на одном не могут быть предмете,¹⁸ —

заявляет Муравьев в программном стихотворении «Общественные стихи». И он просто приписывает отличающемуся расчетливой рассудочностью своих поэтических построений Дора то, что Муравьеву хотелось бы в нем видеть. Даже сама терминология французской «легкой поэзии» воспринимается Муравьевым не совсем правильно. Переводя «Pièces fugitives» как «убегающая поэзия», он воспринимает этот перевод слишком прямолинейно: «бабочки», его мысли, настолько внезапно порхают с одного предмета на другой, что порой теряется всякая возможность наблюдать за их полетом. Игривое описание некой очаровательной вдовушки может без всякой логической подготовки оборваться вопросом: «Но что сказать Вам о дороге?», а описание этой дороги в свою очередь может быть прервано, чтобы уступить место салонно-альбомной концовке:

Но мы опять бы зреть желали
 Великий город у Невы,
 Где пребыванье основали
 Искусство, Граци и Вы.¹⁹

¹⁷ Возможно, это может служить ответом на риторический вопрос Б. В. Томашевского: «Не знаю, ценил ли кто-нибудь серьезно (из числа русских писателей XVIII века, — А. Б.) поверхностного, нестроумного, увлекающегося внешним, холодным блеском Дора» (Б. В. Томашевский. Французская поэзия XVIII века. «Аполлон», 1915, № 6—7, стр. 74).

¹⁸ ГПБ, папка № 20.

¹⁹ М. Н. Муравьев, т. 1, стр. 61.